

ПРОЦЕССОР

26 октября 2019

ПОКА МОЖНО ИГРАТЬ КАК ДЕТИ

Последняя встреча. Пятый предмет. Вода, бензин, картофель, бетон — а теперь процессор. «Великий процессор» — так его называют: сама природа, сама планета. Открытие начинается с обычного признания — мы не знаем, седьмой континент внутри нас — но на этот раз конец фразы иной: «У нас осталось мало времени. Взять на себя ответственность за прошлое, за миг, за будущее — больше не выбор». Центр процессора — образы будущего: на пороге исчезновения, каким может быть будущее?

Первая сцена принадлежит двум молодым климатическим активистам. Один — из движения Пятничной климатической забастовки, другой — из Extinction Rebellion. Сам активизм делится не как рассказ, а как опыт: на забастовке в Босфорском университете кошка села между плакатами, и все с ней играли. После того как дети в Синопе организовали свою забастовку, побежали в парк. Маленький ребёнок — Масал — смотрит в камеру и говорит: «Я Масал Оджак. Я климатическая подруга». В закадровых сценах съёмки видео все смеются, дурачатся, веселятся. В какой-то момент в видео что-то идёт не так — «я перепутал, у меня так получается видео, когда я снимаю» — и эта неловкость тоже часть действия.

«Пока можно играть как дети.»

Эта фраза — и слоган, и метод. Вместо того чтобы быть раздавленным тяжестью климатического кризиса, найти удовольствие в самой борьбе. Веселиться на забастовке, смеяться в действии, быть счастливыми, проводя время друг с другом. Дети это и так знают — это то, чему должны научиться взрослые. Оба активиста подчёркивают: мы всегда умудрялись как-то получать удовольствие, мы никогда не отказывались от совместного делания, от перевода всего этого в развлекательное измерение. На видео, снятом в России, активисты заставляют проезжающих водителей сигналить — но они делают это не съёжившись, а с весельем. В Синопе пошли в кино, в какой-то миг начали снимать, родился перформанс — незапланированный, спонтанный. Уметь смеяться вместе — самая маленькая, но самая ценная часть борьбы.

ВЕЛИКИЙ

Второй голос принадлежит радиоведущему — одному из самых упорных голосов климатического кризиса. Чтобы рассказать о великом процессоре, он начинает с гориллы. Коко — горилла, которой антрополог годами учил язык жестов. Перед Парижским климатическим саммитом на вопрос «что будет с миром» Коко ответила: «Я цветок. Я природа. Я люблю людей. Но человек глупый. Природе нужен ремонт. Времени не осталось». Через короткое время Коко скончалась, но её сообщение продолжается.

Затем другое чудо великого процессора: белый колокольчик, живущий в Амазонии, может издавать 125 децибел звука, чтобы позвать самку — на уровне бетонодробильной машины. Эта находка только что опубликована в Guardian. Одной из тем прошлой недели был бетон; то, что самец-птица для привлечения самки может издавать такой громкий звук, равный шуму бетонодробилки — одно из удивительных явлений, которые создаёт великий процессор. Эта птица живёт в Амазонии и, как можно догадаться, под угрозой — как и большинство видов всей Амазонии.

«Не видно ничего, кроме действия. Это очень ясно.»

Из книги основателя Extinction Rebellion переносится фраза с обложки: «С этого момента отчаяние заканчивается и начинаются тактики». Осталось одиннадцать лет — по расчёту Межправительственной группы по изменению климата. Пятьдесят процентов шансов на успех. Но эти пятьдесят процентов — наш последний шанс. И в этом последнем шансе, бунтуя, необходимо веселиться — даже Роджер Халлам это говорит.

КАК БЫТЬ ФАНАТОМ TARKAN

Третья сцена начинается из неожиданного места: 12 апреля 1993 года. День, когда в совместном проекте ОДТЮ и TÜBİTAK устанавливается первое в Турции интернет-соединение. В октябре того же года Tarkan, ещё двадцати одного года, запирается в стамбульской студии на три недели и записывает альбом «Acayipsin». В альбоме есть песня: «Durum Beter» («Положение ещё хуже»). Tarkan, бросившийся делать что-то активное по теме климата, пишет эту песню: цветы не раскрываются, пыль и дым, сердца в опасности, малыши — горит мир, кончается мир, тоска чёрная-чёрная. Начало эпохи интернета и осознание экологического обвала — в один и тот же момент. Гимн климатического кризиса, оказывается, уже давно написан — в 1993-м, задолго до того, как в день отправлялось три с половиной миллиарда снэпов и в минуту загружалось триста часов видео.

На сцену выходят куратор и режиссёр и делятся тем, что они думали, готовясь к выступлению: как нам выбраться из этих неприятностей. Их вопрос иной: не существует ли климатический кризис — да. И вопрос «как убедить людей» сейчас они тоже не задают — есть такие отлично с этим справляющиеся организации, как Açık Radyo, Extinction Rebellion, 350. Главный вопрос: постоянно думать о климатическом кризисе изматывает и истощает человека — поэтому они пытаются говорить, изобретая новые методы. Думать о разных методах коммуникации, оставаться свежими, хранить надежду, даже будучи безнадежными, не сдаваться, даже будучи напуганными. Как нам быть «фанатами Tarkan»?

Из глубин YouTube вытаскивается видео: 24 человека посмотрели, 15 из них — скорее всего, они сами. «Мы это для вас нашли и принесли», — говорят они. Ребёнок задаёт отцу вопросы о глобальном потеплении — экзаменует его. Отец, словно заучивший, с необыкновенным спокойствием отвечает на последний вопрос: каков худший сценарий? «Банкротство индустрии, взлетевшие до потолка цены на продовольствие, массовые голода и смерть». Уста, способные сказать это с таким спокойствием, ещё нигде не слышали. Само это спокойствие — пугающее и смешное одновременно. Зал в один миг смеётся, потом замолкает, потом снова смеётся. Образы, видео и мемы, быстро распространяющиеся по интернету, играют действенную роль в коммуникации климатического кризиса — поп-культура, юмор, абсурдное спокойствие — новые инструменты.

«Как нам быть „фанатами Tarkan" в коммуникации климатического кризиса?»

Вместо того чтобы быть парализованным страхом, обойти его. Иногда хорошо смотреть прямо в глаза кризису, иногда нужно обойти его кругом. Каждому надо найти то, что подходит ему самому.

ГЕРОИЧЕСКАЯ УЛИТКА

Четвёртый голос принадлежит академику — приехал из Швеции, оставив двух маленьких детей с супругом. Работает над климатической справедливостью. Свою презентацию он начинает с того, что заставляет зал кричать лозунги: «Чего мы хотим? Климатической справедливости! Когда? Прямо сейчас!». И передаёт анекдот: тем, кто впервые кричит лозунги, собственный голос кажется чужим. Будто трескается, будто истончается и осыпается. Потом, если продолжать кричать, замечаешь, что твой голос теряется среди других. Твой голос окутывается голосом толпы, думающей о том же, ты растворяешься. Это твой человеческий голос.

«Лучше быть гневным, чем приличным.»

Возвращаемся на десять лет назад: Копенгаген 2009. В тот период он был частью мобилизации, верящей в глобальный климатический режим, в срочное решение. Большая надежда, большой обвал. Датское правительство объявило чрезвычайное положение, протестующих на улицах терроризировали, многих посадили в клетки, саммит не выдал никакого результата. Чему мы научились у этого величественного обвала? Тому, что не следует попадать в иллюзию, будто международные механизмы сверху, такие как Парижское соглашение, в одиночку решат глобальный климатический кризис. Языком Наоми Кляйн: чтобы изменить всё, нам нужны все — но кто такие «все», и что такое «всё»? Главные вопросы — об этом.

Академик кладёт на стол экомодернизм. Отталкивается от понятия Сиборг-Город марксистского географа Эрика Свингедоу: города сегодня работают как огромные социально-экологические метаболизмы — представьте себе лондонский Piccadilly Circus, человек и природа переплетены, машина и живое неразделимы. Но экомодернизм подаёт эту переплетённость как решение: идея уничтожить созданных нами чудовищ снова созданными нами чудовищами. Ядерная энергия, захват углерода, геоинженерия — всё это продолжение того же технологического высокомерия, всё несёт высокий социально-экологический счёт. Кто оплатит этот счёт? Обещание экомодернизма само в себе непоследовательно.

И что же — альтернатива? Запланированное экономическое уменьшение — поставить под сомнение сам рост. Когда нет роста, все видят катастрофу, говорят кризис — но сама бесконечно длящаяся гонка роста — это и есть катастрофа. Слова Эдуардо Галеано: «Утопия нужна, чтобы ходить. С каждым шагом она удаляется, но заставляет нас продолжать идти». Настоящие утопии надо строить на этой идее — на каждом уровне: в местном квартале, в региональных сетях, в планетарной политике — нужны радикальные революции. В истории улитки, гонящейся с зайцем на батарейках, героическая улитка — это и есть метафора уменьшающейся, но сопротивляющейся экономики. Отталкиваясь от «Манифеста сиборга» феминистки Донны Харауэй — в мире, где исчезают границы между живым и машинами, выстроим ли мы новый экологический подход, или с тем же технологическим высокомерием придём к новой катастрофе?

ОКЕАНЫ — ЭТО МЫ

Пятый голос приходит из морей — критика «голубого роста» глазами политической экологии. «На суше у нас не получилось — давайте откроем новую страницу в море» — новая волна роста, распространяющаяся от Европейского Союза до Азии-Тихого океана, до Африки, направлена на океаны. Но в красивых инфографиках вы не увидите ни рыбы, измазанной нефтью, ни исчезнувших морских мест обитания, ни принудительно перемещённых рыбацких сообществ.

Когда говорят «изменение климата», понятие «человечество» — не единое существо; отдельные люди и группы внутри него несут не одинаковую ответственность и испытывают последствия не одинаково. Норвежские и испанские крупные флотилии потребили рыбу своих морей. По двусторонним договорам они приходят к берегам Сенегала и Мавритании. Мелкие рыбаки и теряют доступ к своим ресурсам, и, когда вынуждены мигрировать в Европу, сталкиваются с ответом: «ваша рыба может приехать, но у вас нет бумаг, вы войти не можете».

Эко-беженец — цепочка несправедливости, простирающаяся от добычи на дне морей до встречи маленьких островных стран Тихого океана с колониальной индустрией.

Но есть и те, кто противостоит. Всемирный форум рыбацких народов организован с 1997 года; работает совместно с крестьянским движением. Женщины-рыбачки — их часто даже не признают рыбаками, но они вовлечены во весь процесс производства. В Стамбуле 34 кооператива водных продуктов. Что такое кооператив? Структура, где один человек имеет один голос, где важно политическое руководство. Некоторые могут вести прямую продажу рыбы, некоторые не могут из-за конфликта с муниципалитетом. Но союз есть — и у него есть конкретные планы: модель прямой продажи, магазина-кооператива, проекта знакомства с рыбаком. Можно установить связь с кооперативами в сельском хозяйстве — есть инициативы в Кадыкёй, Кошуёлу, Бешикташ. Агроэкологические кооперативы производства и потребления уже

работают. Организация в районе критична, и эти модели должны распространяться.

«Океаны — это мы, народы — это мы.»

ФРАГМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

Последний перформанс принадлежит художнице: отталкиваясь от сценариев исчезновения, она собирает у людей воспоминания — фрагменты времени. Маленькие, хрупкие, забытые моменты. Кто-то вспоминает, как в начальной школе впервые услышал, что его назвали «абла» (старшая сестра): задержался после класса, девочка на год младше сказала «абла, у тебя ручка упала». Впервые ощущение быть «абла» — она никогда этого не забудет. Эти воспоминания будут перенесены в будущее, превратятся в новые истории. Анализируя то, что мы теряем, художница одновременно исследует, как привести существующее к действию, к формирующим точкам. Мост от индивидуальной памяти к коллективному будущему — чем больше у вас непроявленных или отложенных воспоминаний, тем богаче воображение будущего.

На закрытии собираются следы пяти недель. Мы говорили о климатической справедливости, об исчезновении. Говорили о значении биологического разнообразия, о климатических забастовках, о том, как число выходящих на улицу за год выросло до миллионов. Право воды течь, настоящая цена бензина, генетический пул картофеля, тела под бетоном — и теперь представления будущего процессора. Один интерактивный коллектив устроил по залу «игру в установление связей», собирал предложения о будущем от участников: общественные родники, общие компостные зоны, ограничение строительства, альтернативы стаканам на вынос, кооперативные магазины. Малые, конкретные, начинающиеся с района практики.

Кто-то спрашивает: почему мы сегодня, после такого количества тёмных разговоров с утра до этого часа, всё ещё здесь? Почему мы не убежали? Ответ прост и силён: «Если бы мы были по природе пессимистичны, многие из нас сейчас здесь бы не находились. Мы бежали бы, мы отдалялись бы. Нам нужно делиться счастьем, чтобы находить друг в друге надежду и силу для того, чтобы что-то делать». Поэтому, в сущности, всё, что делается — особенно в этой теме — это энергично передавать друг другу надежду, что внутри нас. Так заканчивается программа Sindirim: пять предметов, пять недель, вода-бензин-картофель-бетон-процессор — начиная с повседневных вещей, к планетарному кризису, оттуда к воображению будущего, оттуда к кооперативу в районе, оттуда к игре в установление связей в зале. Усилие соединить чувство художника, факт исследователя и зажигательную силу общественных движений — то, что birbuçuk говорит с самого начала. Люди из настолько разных производственных практик, что обычно не могли бы собраться вместе, оказываются лицом к лицу и начинают что-то обсуждать. И само существование этого разговора, существование этой встречи — уже действие.

Мы не знаем, что делать — но само незнание уже точка движения. И в этой точке движения играть как ребёнок, быть гневным, быть «фанатом Tarkan», создавать кооператив, идти медленно, но решительно, как улитка — всё это возможно одновременно. Возможно, в этом и последнее слово программы Sindirim: быть с радостью посреди разрушения.